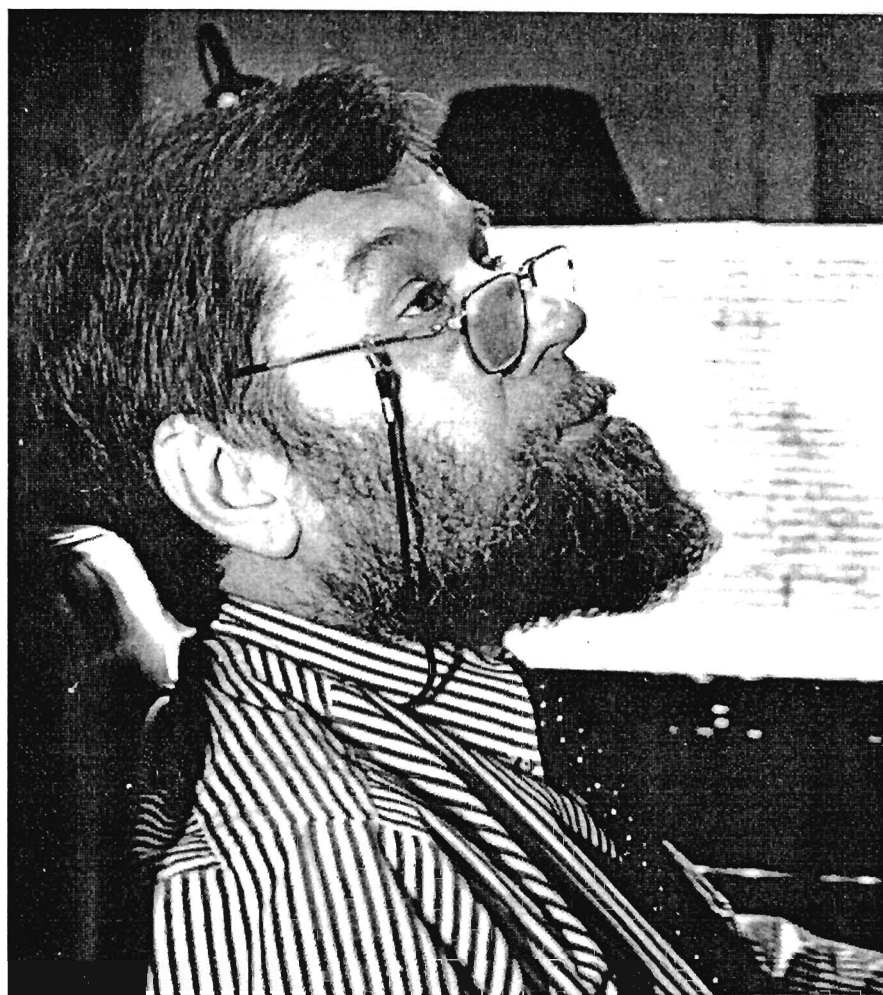

АРТЁМОВ
REQUIEM

ТОЧКИ ОТСЧЁТА

РЕКВИЕМ ВЯЧЕСЛАВА АРТЁМОВА: ПРОИЗВЕДЕНИЕ ГУМАНИСТА?

Requiem aeternam dona eis, Domine – Вечный покой даруй им, Господи. С первую же строкой католической *Missa pro defunctis* (Заупокойной мессы), пред нами целая сеть отношений между живыми – молящимися, усопшими – приемлющими необычайную милость, испрашиваемую для них, и Богом, творящим (чаемо) эту милость. В пяти простых латинских словах сокрыты собраны темы скорби, страха, надежды, собраны глубочайшие философские и психологические вопросы человеческого существования. Для чего оказались мы в этом мире, если обречены умереть? Чему суждено быть по ту сторону? И можем ли мы надеяться, что обретём окончательный мир?

Вся эта усложнённость отразилась в полном латинском тексте заупокойной мессы, который содержит и части из неизменной основы мессы (*ordinarium missae*) и части из служб частных типов (*proprium missae*) и части, находимые лишь в самом Реквиеме. Положить на музыку такой текст есть дело кардинальной важности, во многих отношениях сразу. Почти без исключений – особенно в 18 и 19 веке – композиторы, бравшиеся за этот труд, пребывали в расцвете своих творческих сил. То были люди, зрелые и как музыканты, и как человеческие существа, испытывавшие скорбь и радость, страдания, утрату и возрождение надежды. Месса Реквием, более всякой другой музыкальной формы, обращается напрямик к метафизике и духовности; и потому композитор, сполна переживший все превратности бытия, мог, вероятно, черпать из более глубоких источников вдохновения и понимания.

Все эти соображения, композиторские и человеческие, целиком приложимы к Вячеславу Артёмову (род.1940) и его поразительному “Реквиему”. Его сочинение, по структуре, – один из самых полных латинских Реквиемов за все эпохи, и заведомо самый полный – в двадцатом веке (в сравнении, скажем, с работами Шнитке и Лигети). Шнитке и Артёмов – единственные композиторы – уроженцы России и СССР, которые написали латинский Реквием; и в длинном ряду католиков, положивших на музыку заупокойную мессу, – Берлиоз, Брукнер, Верди, Гуно, Дворжак, Керубини, Лист, Моцарт,

Регер, Форе – Артёмов возникает одинокой фигурой, как единственный русский и единственный православный композитор. Бесспорно, что такой выбор музыкальной формы уже сам по себе является психологически значительным.

“Реквием” Артёмова не был ему заказан, и, по всей очевидности, он также не написал его для погребения кого-либо из любимых или своего собственного (последнее, почти без сомнения, имело место в случае второго “Реквиема” Керубини (1842) и “Реквиема” Гуно; сюда же обычно, хоть и несправедливо, относят работы Листа и, разумеется, Моцарта). Вместо этого, отчасти сходно с “Военным Реквиемом” Бриттена (который, однако, не связан с латинской мессой), великолепная вещь Артёмова несёт в себе глубокое социальное, историческое, нравственное содержание: можно назвать его политическим в самом широком и сильном смысле слова. Но при этом, в отличие от Бриттена, обратившегося к стихам Уилфреда Оуэна, Артёмов реализует свою политическую и нравственную цель посредством всеохватного, но сравнительно отвлечённого текста латинской мессы.

Последнее столетие оказалось ужасающим на русской земле и для русской души. Трагические события коронации Николая Второго, которые заставили многих простых людей именовать его “Николаем Кровавым”, затем Первая мировая война и Гражданская война, Великая Отечественная Война, бесчисленные жертвы сталинской и послесталинской эпохи... – постоянно страдания и смерть пожинали небывало изобильную жатву. Но если композитор, принадлежавший к номенклатуре, Дмитрий Кабалевский, в своем “Реквиеме” 1963 года (как и у Бриттена, “Реквием” лишь по названию, без всякого латинского или религиозного содержания) подчеркнул рамки одобренных советских тем, дав посвящение “Для тех, кто погибли в войне с фашизмом”, – посвящение Артёмова более всеохватно: “МУЧЕНИКАМ МНОГОСТРАДАЛЬНОЙ РОССИИ”.

В этом посвящении заключено обвинение, страшное и справедливое, хотя и не выраженное прямо. Необходимо знать мир Артёмова, его жизнь, может быть, даже его лично, чтобы понять: посвящение – не простая “скорбь вообще”, оно указывает, непосредственно и конкретно, на большевизм, на Екатеринбург, на сталинские чистки и на грязь послесталинского коммунизма. Конечно, русские люди гибли во множестве во Второй мировой войне, однако и это было, в немалой мере, плодом сталинских действий – предвоенного истребления военных, инженеров, учёных, намеренно устраивавшегося голода, принудительных наступлений массами необученных, едва вооружённых солдат; здесь также велика вина Сталина

и коммунистического режима. – Моменты эти важны, ибо, если я верно угадываю одну из целей Артёмова, его творение прекрасной формы есть самое неотразимое музыкальное осуждение коммунизма. В западной музыке двадцатого века найдётся очень мало работ, способных сравниться с ним в религиозном величии; но ещё меньше тех, которые столь же совмещают в себе духовную глубину и политическое воздействие (политическое – в смысле достойно-сдержанного, но сокрушительного разоблачения жестокостей государства, которые одновременно развязывают самые низкие человеческие инстинкты).

Именно для того, чтобы получить возможность сказать о мученичестве в столь гигантском масштабе, с такой широтой эмоций и музыкальных идей, какие оно у него будило, Артёмов, быть может, и прибег к строгой древней структуре латинского Реквиема – как к орудию, способному обуздать и упорядочить его музыкальные и нарративные энергии. Но даже при этой строгости, в “Реквиеме” Артёмова *Dies irae* длится свыше семи минут, одну десятую продолжительности всей пьесы, что представляет собою наидлиннейшее *Dies irae* во всех существующих Реквиемах, как относительно, так и абсолютно. Разумеется, это крайне значимо и с музыкальной, и с психологической точки зрения. Секвенция *Dies irae, dies illa* (День гнева, тот день) есть часть, теснее всего связанная с заупокойной мессой, куда она вошла в 14 столетии. Составленная из 18 трехстиший в метре трохея, с восьмисложными строками, она не входит ни в какие иные мессы, равно как не имеет соответствия в православной заупокойной службе (св.Иоанна Дамаскина) или других музыкальных текстах, связанных с православным погребением (напр., *Opelo* сербского композитора Штефана Мокраньяца). Она живописует скорбный гнев Божий за то, что мы грешили и отпали от благодати и стали добычей смерти и вынудили Его к наказанию нас на Суде; и собственный наш скорбный гнев за то, что удел наш – жить, зная о неизбежной и надвигающейся смерти, смерти нашей и тех, кто любимы нами.

Вот несколько терцин – 1-я, 2-я, 3-я, 8-я, 9-я и 16-я:

*Dies irae, dies illa,
Solvat saeculum in favilla:
Teste David cum Sibylla.*

Страшный день суда настанет,
Жарким пеплом небо станет,
Речь пророков не обманет.

*Quantus tremor est futurus,
Quando iudex est venturus,
Cuncta stricte discussurus!*

Страх и ужас воцарится,
Когда суд начнет вершиться,
Зло и грех изоблится.

Tuba mirum spargens sonum
Per sepulchra regionum,
Coget omnes ante thronum.

.....

Rex tremendae majestatis,
Qui salvandos salvas gratis,
Salva me, fons pietatis.

Recordare, Jesu pie,
Quod sum causa tuae, viae:
Ne me perdas illa die.

.....

Confutatis maledictis,
flammis acribus addictis;
Voca me cum benedictis.

Трубный глас могучей силы
Вырвет мёртвых из могилы
По пророчеству Сивиллы.

Царь небесный, Ты от мщенья
Даришь верным отпущенье.
Так прости ж мне прегрешенья!

О, благой и правосудный,
Крестный путь Свой вспомни трудный,
Не казни меня в день судный!

Приговор свершив презренным,
В пламень вечный осужденным,
Дай войти к благословенным!

(рус. пер. Ю.А.Шрейдера и анон. автора)

Не столь удивительно, что Артёмов настолько выдвинул *Dies irae*: этот мощный, архаический текст, полный и Божиих, и человеческих чувств гнева, скорби, прощения, полный философских раздумий об ужасе греха и бесконечности благодати, наилучшим образом оказывался на высоте избранного задания. Присутствие его в мессе – Реквиеме внесло, возможно, немалый вклад в выбор именно этой формы для исполнения монументальной задачи изобразить в музыке грехи России, страдания России и надежды на искупление России в этом кровавом красно-коричневом столетии.

Одним это может казаться маловажным, но других заметно интересует, звучит ли “по-русски”, сквозь латинский текст, эта католическая зауспокойная месса, написанная глубоко русским и православным композитором (учитывая, что различия в вероучении между Католическою и Православною Церковью минимальны, причём, кстати, обе Церкви считают себя “католическими”, то есть вселенскими, по смыслу греческого термина). Вопрос этот сложен, и отдалённо сходствует с тем, если мы спросим, сохраняется ли русский голос у рассказчика в романах Набокова, написанных по-английски и имеющих действие в Америке. В единственной существующей пока записи “Реквиема” (это положение исправится, надо думать), все пять солистов – вокалистов русские, а также и хор мальчиков; Каунасский Государственный Хор (конечно, из литовцев, по преимуществу) являет отличный образец русской хоровой школы. И ответ будет, вероятно, таков: “русские” элементы в “Реквиеме” (в тематическом развитии, инструментовке, хоральном материале, исполнении вокалистов) весьма тонко – и, как кажется мне, волнующе –

переплетены с универсалистским, в мягкой степени атональным, музыкальным языком Европы и Америки конца двадцатого века.

Древние чувствования и мистический дух Восточного Православия, произнесённые звуки церковнославянского языка всплывают неувидимо меж строк устрашающего латинского текста, смягчая его: и рождается мысль, что на пороге нового тысячелетия здесь предносится нам некое возвышенное единение между мироощущением Ветхого и Нового Завета, между Востоком и Западом, Православием и Католичеством – между Римом, Константинополем и Третьим Римом, Москвой.

(пер. с англ. С.С.Хоружего)

(1997)

СОДЕРЖАНИЕ

1. *Михаил Тараканов* Реквием 1
2. *Юлия Евдокимова*. В. Артёмов – Реквием 7
3. *Владимир Конечны*. Реквием Вячеслава Артёмова:
Произведение гуманиста? 11
4. *Михаил Капустин*. Искупление (размышление
философа над “Реквиемом” Вячеслава Артёмова) 16
5. *Винченцо Магдалони*. “Реквием” по жертвам
сталинского террора 25
6. *Михаэль Йон*. Беседа с Вячеславом Артёмовым 29
7. *Валерия Любецкая*. Из “Божьего Града” (стихи) 37
8. *Евгений Зайдель*. В Лучах Космического Огня
(о Реквиеме В. Артёмова) 42

Оригинал-макет: А. В. Воронин

© Фонд духовного творчества, 1997

